

абумоўлівае фактар вяртання літаратуры да вечных чалавечых каштоўнасцей, да адраджэння маральнасці асноў жыцця ў духу нашаніўскага перыяду. Паэты стварылі канцэпцыю чалавека, згодна якой асоба аказалася здольнай пераадолець усе перашкоды на сваім шляху, аднак такі чалавек змог дзейнічаць толькі ў межах адведзенага яму тэксту, на ўмоўнай і зададзенай у многім тэрыторыі.

Спіс літаратуры

1. Арочка, М. Беларуская савецкая паэма. / М. Арочка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979. – 335 с.
2. Винокуров, Е. Избранные произведения: В 2 т. / Е. Винокуров. – М.: Художеств. лит., 1976. – Т. 1: Стихотворения. – 544 с.
3. Винокуров Е. Контрасты. / Е. Винокуров. – М.: Совет. писатель, 1975. – 127 с.
4. Конан У. Ля вытокаў самапазнання: Станаўленне духоўных каштоўнасцей у святле фальклору. / У. Конан. – Мінск: Маст. літ., 1989. – 238 с.
5. Мішчанчук М. Літаратура, народжаная Кастрычнікам. / М.І. Мішчанчук. – Мінск: Нар. асвета, 1983. – 107 с.
6. Урбан А. Возвышение человека. Заметки о современной поэзии. / А.Урбан. – Л.: Художеств. лит. Ленингр. отд-ние, 1968. – 248 с.

ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА В РАССКАЗЕ В. БЫКОВА «В ПЕРВОМ БОЮ»: ОПЫТ ТОЛСТОВСКОЙ ТРАДИЦИИ

*С.В. Ланунов
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Среди исследований по истории русско-белорусских литературных связей, достаточно широко представлены работы, посвященные проблеме освоения белорусской литературой художественных достижений русской военной прозы второй половины XIX века. Наиболее разработанный в белорусском литературоведении аспект указанной проблемы – влияние на белорусскую военную прозу XX века художественного опыта Л.Н. Толстого. Следует отметить, что объектами большинства исследований избирались крупные эпические произведения (повести, романы, романтические циклы), тогда как «малым» жанрам белорусской военной прозы уделено недостаточно внимания.

Цель исследования – выявить взаимосвязь художественных решений в дебютном военном рассказе В.Быкова с опытом классика русской военной прозы XIX столетия – в связи с изложенным выше представляется нам закономерной.

Материал и методы. Указанное выше обстоятельство обусловило наше обращение к первому военному рассказу В. Быкова «В первом бою», (1949, впоследствии на белорусский язык автором не переведен). Выбор произведений обусловлен следующими причинами. Во-первых, как уже давно признано исследователями, традиция «лейтенантской прозы», представителем которой является Быков, восходит «к общему источнику – к Толстому» [1, с. 539]. Во-вторых, мы учитывали значение раннего периода для дальнейшего творчества писателя. Обращение к самым разным темам на раннем этапе творчества приводит к утверждению военной темы как основной в творчестве. В-третьих, сам Быков признавал ценность для него как для писателя толстовского художественного опыта и особую важность мысли, высказанной Толстым в финале второго севастопольского рассказа [2]. Для реализации поставленной цели выбраны аналитический и сопоставительный методы.

Результаты и их обсуждение. Обращаясь к вопросу толстовского влияния на поэтику белорусской военной прозы, А.М. Адамович отмечал, что своими произведениями Толстой показал, «сколько в правде неожиданностей и поворотов» [1, с. 615]. Установка на изображение «неожиданностей и поворотов» войны стала ведущей в творчестве Быкова уже на раннем этапе творчества. Обращение к показу войны во всей ее сложности и противоречивости, интерес к внутренней жизни человека в экстремальных обстоятельствах обусловили обращение писателя к опыту классика русской военной прозы.

Наибольшее внимание в ранних военных рассказах Быкова проявлено к классической для военной прозы ситуации испытания первым боем – неслучайно дебютный военный рассказ писателя назван «В первом бою». Первое серьезное испытание, которое проходит герой рассказа, приобретает тот же смысл, что и в военной прозе Толстого: оно заставляет осознать подлинную сущность войны, избавляет от прежних иллюзий, открывает прежде недоступное сознанию. Уже в самом начале рассказа передано состояние напряженного ожидания первого боя, которое испытывает центральный герой произведения – недавно назначенный командиром

взвода 45-мм пушек молодой лейтенант Николай Бережной: «С каждым днем Николай все явственнее ощущал медленное, но неуклонное приближение к тому роковому часу, с которого начнется и его схватка с врагом. Энергичный и смелый, он с нетерпением ждал первого боя. Каков будет этот бой, как сложатся обстоятельства?» [3, с. 10]. Среди противоречивого переплетения мечтаний о героическом подвиге и пока еще нового для лейтенанта чувства ответственности за людей важное место занимает диалог Бережного с ездovým Гарпенко. На вопрос лейтенанта: «А страшно ли в первом бою?» [3, с. 11] воюющий с первых дней войны Гарпенко отвечает: «Оно, известно, спервоначалу не очень весело, но, знаете, на войне, как и на работе: задание или там приказ надо выполнять... Было страшно, да еще как...» [3, с. 12]. Далее ездовой вспоминает недавно погибшего прежнего командира взвода, во время боя вставшего во весь рост: «Гордый был, не хотел на виду у нас пулям кланяться» [6, с. 12]. И далее звучит важная для понимания центральной идеи произведения фраза: «Конечно, как говорится, на людях и смерть красна, но все же эта смерть никудышная» [3, с. 12]. Эта оценка явно созвучна с толстовским пониманием истинной и ложной храбрости, сформулированным в рассказе «Набег». В толстовском рассказе желание прапорщика Аланина выказать бесстрашие на виду у всех также оценивается старым опытным солдатом: «Ничего не боится: как же это можно!... Глуп еще – вот и поплатился.

- А ты разве боишься? – спросил я.
- А то нет!» [4, с. 31]».

Как и в рассказах Толстого, подлинную сущность войны главный герой рассказа постигает в столкновении с «неожиданностями и поворотами» войны. Внимание автора привлекают не столько сами события, сколько сложное переплетение мыслей, созвучное с толстовской «диалектикой души». В самый напряженный момент так ожидаемого первого боя лейтенант испытывает смешанное чувство обиды и отчаяния. Испытание первым боем происходит вопреки ожиданиям: в момент неожиданного появления вражеских танков лейтенант ранен в правую руку и остается один. За несколько мгновений в сознании Бережного вспыхивает досада «за короткую жизнь и такой неудачный преждевременный конец» [3, с. 16], вспоминается пословица Гарпенко и в последние мгновения жизни приходит осознание того, что подвиг – это не эффектная гибель «на миру» ради славы: «Один мертвый Юсуфов будет свидетелем его гибели» [3, с. 16].

Заключение. Таким образом, взаимосвязь художественных в дебютном военном рассказе В.Быкова с опытом классика русской военной прозы XIX столетия нам представляется закономерной. На этапе творческого самоопределения художественное освоение и осмысление Быковым художественных открытий, сделанных Л.Н.Толстым, стимулировало поиск новых художественных приемов изображения войны, прежде всего средств раскрытия «внутреннего мира в его неупорядоченной подвижности» [5, с. 114]. Творческое осмысление этой неупорядоченности, лежащей в основе толстовской «диалектики души», определило эволюцию военной прозы Быкова в сторону психологизации батального пространства.

Список литературы

1. Адамович, А.М. Взаимодействие белорусской и русской «военной прозы» с европейской литературной и гуманистической традицией / Адамович, А.М. Собр. соч. В 4-х т. Т.3. / А.М.Адамович – Мн.: Маст. літ, 1982. – 622с., 4 л. ил. – С.539 – 541.
2. Быков, В. Правду и всю правду. / Советская культура, 1987, 29 октября. – С.4.
3. Быкаў, В. Поўны збор твораў. У 14 т. Т.7. Апавяданні./ В.Быкаў – Мн.: Саюз беларускіх пісьменнікаў; Масква, ТАА «Выдавецтва «Время»» 2009. – 480 с.
4. Толстой, Л.Н. Собр. соч.: В 22-х т. Т.2. Повести и рассказы 1852 – 1856. / Л.Н.Толстой – М.: Худож. лит., 1979. – 422 с.
5. Есин, А.Б. Психологизм русской классической литературы. / А.Б.Есин – М.: Просвещение, 1988. – 176 с.

ЗООНИМИКОН БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ В АСПЕКТЕ СТРУКТУРЫ И МОТИВАЦИИ

*А.С. Марудова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Белорусское Поозерье представляет собой уникальный природный регион, который занимает северную часть Республики Беларусь и ограничивается с юга линией, примерно проходящей по населённым пунктам Островец–Сморгонь–Вилейка–Докшицы–Псуя–Лепель–Новолукомль–Толочин–Осинторф.